

* * *

Я всё так же, без перемен.
Засыпаю, встаю, ложусь.
Что-то делаю, что-то ем.
Тебя нет, но я обхожусь.

Старый блюз, домофон, подъезд,
Шесть ступенек – и отдышусь.
Через осень несу свой крест.
Мне непросто, но обхожусь.

Ты по-прежнему снишься мне,
Я ночами в тебя гляжусь.
Твои губы ищущи во сне,
Но проснулся – и обхожусь.

Помню запах – твои духи,
За тот вечер слегка стыжусь.
Я когда-то писал стихи.
Перестал теперь – обхожусь.

На клочки разорвав блокнот,
Вместе с ними верчусь, кружусь.
Я, наверно, уже не тот.
Но ещё ничего, держусь.

Нет, конечно, я не сержусь.
Нет, конечно, не одинок.
Я уж год без тебя обхожусь,
А когда-то и дня не мог.

Надоело, но я иду.
Шесть ступенек, а дальше – ввысь.
Может, я ещё встречу ту,
Без которой не обойтись.

ОТВОРАЧИВАЮСЬ...

Оскудели мы, озверели мы,
Досылая патрон в патронники.
И одни себе ставят теремы,
А другие – по спецприёмникам.

Если звёзды на небе падают,
Значит, их подбивают «Стингером».
Если кто-нибудь в Баден-Бадене –
Значит ждите кого-то в цинковом.

А дорога у нас короткая.
От загона идём до выгона.
Если нас отравили водкою,
То кому-то же это выгодно?

И депрессия – гостья частая,
Вижу тень я её уродскую.

Не кричи, не кричи, несчастная,
Всё равно не вернуть Высоцкого.

Мы живые, но где гарантия,
Что своё сохраним обличье?
А король надевает мантию
На скелет своего величия.

Город чёрный, высокий, каменный,
Раздавил и все соки высосал.
Друг пришёл из Чечни израненный –
Сразу же телевизор выбросил.

Бродят призраки по полуночи,
Да не тем они будь помянуты.
А в счастливом и светлом будущем
Все опять, как всегда обмануты.

И «Царь-колокол» не услышишь ты,
Звонари же пьяней извозчиков.
Башлачёв, ты был прав четырежды.
Будет время и «колокольчиков».

Вот и лес заповедный вытоптан,
И никто не посадит саженца.
Сколько нами уже испытано,
А кому-то всё мало кажется.

И давно бы пора опомниться,
Надоели уж приключения,
Но улыбки – кривые донельзя,
Словно кесарево сечение.

А друзья изменились здорово.
С поля боя уже не вынесут.
И друг друга зовут «партнёрами»
По постели или по бизнесу.

Отворачиваюсь от зеркала,
От потерянного лица его.

Уже нечего мерить мерками
Маяковского и Цветаевой.
Отворачиваюсь...

ДВА МЕСТА В ПЛАЦКАРТНОМ ВАГОНЕ

Ветры по-прежнему Землю крутят
Солнце встаёт и лежат сугробы
Жаль, что у нас ничего не будет
Хоть и казалось нам, что могло бы
Можно нам было бы взять билеты
Сесть и занять два плацкартных места
Я – с глупым видом, как все поэты,
Ты – со смущённым, как все невесты,
Ехать в вагонной ночи куда-то,
Снять всё ненужное, как обложку...
Ты бы сказала: «Да больно надо!»,
Ты бы сказала: «Чур, я к окошку!».
Мы с тобой жили бы в чудном замке
Или в простецкой кривой избушке,
Под фотографией в общей рамке
Пили какао из общей кружки.
Стоя на нашем с тобой крылечке
В марте встречали бы птичью стаю
Я бы писал на снегу у речки,
Что никогда тебя не оставлю.
Вместе б лежать на диване тесном
Где хрипловато поют пружины
Вместе б по радио слушать пьесы,
Где все актёры юны и живы...
Мы б сочиняли с тобой рассветы,
Те, о которых писал Есенин,
Я бы шутил про твои диеты,
Ты бы смеялась, как я рассеян.
Мы бы у печки сидели в саже
И целовались бы как попало...
Пусть ничего не сбылось бы даже,
Верить во что-то – уже немало.

Закрывай глаза. Погрузись в покой.
Слышишь, море поёт в раковине?
Хорошо, что мы в мире есть с тобой –
Потрясающе неодинаковые.
У тебя там зной, у меня здесь – ноль.
Ни баллад, ни снов, ни романтики.
Но когда я позвал – ты пошла со мной
Из своей далёкой галактики.
Раскидай чулки, распусти косу
И забрось за шкаф платье бальное.
Я с тобой ещё не бывал в лесу,
Не водил тебя тропкой дальнею.
А там воздух свеж, а там ветер пьян,
Там ручей струится по трещинам.
Среди всех цветов, среди всех полян
Ты цветочней всех, моя женщина.
Улыбнись во сне, протяни ладонь,
Закопай в песок туфли лаковые.
Босиком в рассвет мы уйдём с тобой–
Возмутительно неодинаковые.